Лоран Гунель
СОКРОВИЩЕ, КОТОРОЕ ДРЕМЛЕТ В ТЕБЕ
Книги Гунеля позволяют нам понять, как легко то, во что мы верим, становится реальным.
Psychologies Magazine

Лоран Гунель
Сокровище, которое дремлет в тебе

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55984564
Л. Гунель. Сокровище, которое дремлет в тебе: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Москва; 2020
ISBN 978-5-389-18358-2

Аннотация

Книги Лорана Гунеля, входящего в пятерку самых популярных беллетристов Франции, возглавляют топ-листы продаж во Франции и переведены на двадцать пять языков. В своем новом романе «Сокровище, которое дремлет в тебе» Лоран Гунель переносит читателей в захватывающий мир, помогает людям подняться в другое измерение, где действия человека обретают силу, а радость становится привычным состоянием. Все начинается в день, когда Алиса, молодая, динамичная и честолюбивая женщина, встречает друга детства Джереми, который стал священником местного прихода. Но дела его обстоят неважно, прихожан в церкви куда меньше, чем на террасе кафе или на скамейках сквера. Алиса решает помочь Джереми. Поначалу как человек, с иронией относящийся к такой вещи, как вера, она пытается применить обычные профессиональные

приемы раскрутки «бизнес-проекта», но, в силу обстоятельств погрузившись в мир высокой духовности, открыв для себя христианство, индуизм, даосизм и буддизм, она обнаруживает универсальную истину, дающую ключ к пониманию человека и его развития, и перед ней распахивается новый, волнующий мир…

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая 6
1 6
2 14
3 20
4 30
5 37
6 50
7 71
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Лоран Гунель
Сокровище, которое дремлет в тебе

Laurent Gounelle
Et tu trouveras le tresor qui dort en toi

© Kero 2016
© О. И. Егорова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Моей сестре Софии

Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.
Евангелие от Матфея, 7: 14

Часть первая

И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего.
Послание к римлянам апостола Павла, 12:2

1

Положив трубку, Алиса не смогла сдержать довольной улыбки. Потенциальный клиент в Катаре включил консалтинговую компанию, в которой она работала, в предварительный список. Негласный конкурс был объявлен еще шесть месяцев назад. Катарское международное рекламное агентство искало западного партнера, чтобы восстановить позитивный образ своей страны и заставить забыть о подозрениях, связанных с финансированием исламских террористов.

Всего было отобрано пять компаний: две американские, одна испанская, одна немецкая и одна французская. То есть шансы на победу оценивались один к пяти, но Алиса твердо верила в успех.

Она со вздохом потянулась, откинувшись на спинку кресла и развернув его к огромному окну кабинета. В оконном стекле отразилась деловая женщина в строгом костюме, с

которым явно не вязались длинные, непокорные каштановые кудри. Алиса погасила настольную лампу, и отражение исчезло. На пятьдесят третьем этаже башни Монпарнас[1] ты чувствуешь себя так, будто висишь в небе, в вечернем темнеющем небе, где неуверенно тают несколько облачков. А под ногами, насколько хватает глаз, раскинулся город – живой, переливающийся огнями, что вспыхивают один за другим в тысячах домов, где живут миллионы людей. В этот час, когда все возвращаются из офисов, дороги запружены машинами, а по тротуарам ползают ничтожные черные точечки. Алиса с улыбкой глядела на толпу. На тех, кого надо было убеждать, чьи вызовы принимать, чье раздражение ощущать… Пройдя тренинг Тоби Коллинза по личностному развитию, она обрела уверенность в себе и научилась получать удовольствие от работы даже в напряженной атмосфере конкуренции.

Она снова вздохнула и расслабилась. Тео сейчас дома, с няней. Поль, как всегда, вернется поздно. Наверное, она уже будет спать, когда такси высадит его у порога дома. Чем жили бы ночные таксисты, не будь поздних возвращений из адвокатских контор?

Скорее бы отпуск, подумала она. Побыть бы хоть недолго всем вместе. Если ее группа получит катарский контракт, ей наверняка повысят зарплату. Или выпишут крупную пре-

---

[1] *Башня Монпарнас* – 60-этажный небоскреб, расположенный в Пятнадцатом округе, одно из самых высоких зданий региона Иль-де-Франс. *(Здесь и далее прим. перев.)*

мию. И не надо от этого отказываться. Ведь тогда они смогут позволить себе отправиться в длительное путешествие всей семьей. А почему бы не махнуть в Австралию? Австралия… мечта ее юности, которая так и не осуществилась.

Зазвонил телефон. Это отец.

– Я в офисе, папа.

– Милая, ты приедешь в Клюни на выходные?

– Конечно приеду.

– Хорошая новость! И Поль тоже приедет?

– Если не будет много работы вроде объезда клиентов во Френе или Флери-Мерожис[2]. И если согласится пропустить субботние занятия рисованием. Не считая тюрем, это его единственная страсть.

– Передай ему привет, – со смехом сказал отец. – Да, кстати, я сегодня утром встретил Жереми. Выглядел он скверно. Его мать очень волнуется и постоянно мне об этом говорит. Если на выходных тебе удастся его хоть немного поддержать, она будет рада.

Жереми скверно выглядит? Интересно… В прошлый приезд в Бургундию на выходные она ничего такого не заметила. Жереми… Стройный, с белокурыми, чуть потемневшими со временем волосами, тонкими и нежными чертами лица, с огромными голубыми глазами, которые всегда свети-

---

[2] В городках *Френ* (Fresnes) и *Флери-Мерожис* (Fleury-Mérogis) находятся крупнейшие тюрьмы Франции. В частности, Fresnes Prison (Centre pénitentiaire de Fresnes) – вторая по размеру тюрьма в стране.

лись добротой. Они вместе выросли в Клюни… Играли в догонялки на развалинах аббатства и без конца на что-нибудь спорили, причем награда выигравшему назначалась всегда одна и та же: поцелуй в первый день Нового года. На винограднике во время сбора урожая они помирали со смеху, спрятавшись ото всех и уплетая ягоды, вместо того чтобы их собирать. В девять лет они впервые поцеловались, едва соприкоснувшись губами. Инициатива исходила от Алисы, Жереми при этом покраснел, как помидор с огорода дядюшки Эдуарда. Они мечтали вместе отправиться в путешествие на другой конец света, туда, где все ходят вверх ногами, в Австралию. Прямо в Австралию…

Бедняга Жереми, как грустно, что у него что-то не ладится. Все очень удивились, когда он вдруг принял настолько радикальное решение, ведь с учебой у него проблем не было, все шло как по маслу. Магистратура была у него практически в кармане, и вот так все бросить и сделать крутой вираж…

Жереми. Она всегда могла на него положиться, особенно в ту пору, когда из жизни ушла сначала ее мать, а потом лучшая подруга. Это случилось за несколько лет до знакомства с Полем. Долгий траур повлек за собой настоящий экзистенциальный кризис, и Жереми тогда очень ей помог – ангельским терпением и умением выслушать.

И теперь ей хотелось сделать что-то для него. Но как ему помочь?

Она снова глубоко вздохнула, глядя на снующую внизу толпу. Ее специальность – связи с общественностью в условиях кризиса, а не психотерапия.

* * *

Тяжелые ворота заскрипели, не желая открываться. Жереми протиснулся между створок, и те захлопнулись с мрачным стуком, достойным тюремных ворот. Он повернул направо по узкой улочке Нотр-Дам и вдохнул свежий воздух погожего мартовского дня. В лучах солнца бурые камни мостовой золотились у него под ногами.

На углу улицы Сент-Одиль мрачное здание налогового управления, казалось, дремало за зарешеченными окнами. Рядом, у табачного киоска, в ожидании новой партии лотерейных билетов, уже собралась очередь человек в десять. Сначала налог обязательный, а потом – добровольный.

Жереми вышел на главную улицу маленького городка Клюни, носящую имя Ламартина, с ее фасадами пастельных тонов и яркими витринами. На террасе ресторана «Насьон» он машинально насчитал тридцать шесть человек, потягивающих кофе. «Кофе, – мелькнуло у него в голове, – поддерживает разум в тонусе, но не пробуждает его».

Чуть поодаль, в очереди за лотерейными билетами в другом табачном киоске, еще четырнадцать человек собирались рискнуть и попытать счастья, чтобы хоть как-то улучшить

свою жизнь.

Еще двадцать два покупателя Жереми насчитал у колбасника Дюпакье. Из его заведения доносились столь острые, возбуждавшие аппетит запахи, что, наверное, соблазнились бы даже вегетарианцы. Еще человек десять в ресторанчике «Корзина путника» смаковали сыры, потягивая вино.

Он повернул назад и снова двинулся вверх по улице. Лучи утреннего солнца освещали резные пилястры, капители романских фасадов.

Много посетителей было и у Вольфа, прекрасного оптика, и все они, несомненно, стремились улучшить зрение. Однако станут ли они от этого зорче видеть свою жизнь?

За столиками на террасе кондитерской Жермена, слава о которой гремела даже за пределами горного хребта Божоле, сидели тридцать четыре посетителя. Жереми улыбнулся. «Человек, – подумал он, – предается чревоугодию, когда его душа мечтает только о том, как бы угодить телу».

Он свернул по улице Мюнисипаль к аббатству, мимо Центрального кафе, отделанного в стиле *бель-эпок*, где в зале и на террасе насчитал двадцать восемь клиентов. Но еще больше любителей пропустить стаканчик оказалось в «Винных погребах аббатства». Дойдя до площади перед аббатством, он обогнул просторную террасу «Кондитерской Норд», битком набитую народом (там толпились по меньшей мере семьдесят посетителей), прошел по улице 11 Августа 1944 года, по улицам Мерсьер и де ла Барр. Туристическое агентство

обещало своим клиентам райские угодья, что снова вызвало у Жереми улыбку.

А напротив располагался популярный винный погреб под названием «„С удовольствием“, – говорит вино». Странная игра слов, ведь речь идет о напитке, изменяющем состояние сознания, ничуть его не возвышая.

Через несколько метров открылась освещенная солнцем площадь. На паперти собора болтали немногочисленные прихожане. Он поздоровался с ними и толкнул обитую кожей дверь. Та отворилась с глухим шипением, и Жереми вошел в прохладу церкви.

Сумрак внутри был пронизан запахом сырого камня и ладана. По боковому нефу он направился к клиросу, и шаги его совсем не нарушили царившей здесь тишины. Войдя в ризницу, он немного постоял в полумраке. Зазвонили колокола, он вслушивался в перезвон, пока последний звук не погас под высокими каменными сводами. Затем он медленно подошел к алтарю и оказался перед прихожанами. Колонны устремлялись к стрельчатому своду, увлекая взгляд и душу ввысь, выстраиваясь в единую линию с угловыми арками по всей длине нефа. Все в церкви казалось огромным, и это гигантское пространство чудесным образом настраивало на торжественный лад. Боковые нефы и даже середина центрального тонули в полумраке, но стоило поднять глаза, и открывался ослепительный свет, заливавший своды почти нереальным сиянием.

Жереми опустил глаза и перевел взгляд на свою паству.
Двенадцать.
На стульях разместились двенадцать человек.
Жереми начал мессу.

2

После службы Жереми проводил прихожан до паперти. Солнце отражалось в старых, неплотно прилегающих камнях мостовой и освещало фасады средневековых домов.

Две пожилые дамы обступили священника, чтобы обсудить благотворительные мероприятия. Потом подошел Виктор, старый винодел на пенсии, и протянул футляр:

– Вот, отец мой, возьмите, хочу вам это подарить.

Виктор по прозвищу Шателен, то есть «владелец замка», был в Клюни личностью известной. Его издалека узнавали по величавой походке, старомодному твидовому пиджаку, четкой лепке лица и пышной седой шевелюре а-ля Караян[3]. Теряя слух, он компенсировал этот изъян властной осанкой, за которой угадывалось природное благородство. Он был невысок, но поэтому дороден, всегда занимал много места.

Жереми открыл футляр:

– Часы?

– Не подумайте, что это что-то значит! Просто я заметил, что у вас нет часов.

– Но это очень красивые часы…

– Как-как?..

Друг старика, Этьен, хотя и сильно заикался, сразу при-

---

[3] *Герберт фон Караян* – знаменитый дирижер, в преклонном возрасте обладавший очень красивой, совершенно белой шевелюрой.

шел на помощь. Этьен был маленький, щуплый, его лицо с мягкими чертами обрамляли волосы цвета слоновой кости, зачесанные набок, а в глазах светилась глубокая доброжелательность. Невероятная парочка глухого и заики была не такой уж нелепой: заикание Этьена резко уменьшалось, когда ему приходилось говорить так, чтобы Виктор его услышал.

– Господин аббат сказал… что они… о… оч… чень красивые! – крикнул он приятелю прямо в ухо.

– А… французские… сделаны во Франш-Конте[4]. Одна из последних моделей.

Когда-то Этьен работал на винодельне Виктора, но годы постепенно сгладили разницу в положении. Выйдя на пенсию, Виктор стал позволять приятелю говорить ему «ты». Иногда Шателен взрывался по пустякам и вымещал гнев на Этьене. Но тот только посмеивался, не принимая всерьез выходок бывшего патрона. Оба давно уже породнились: старшая дочь Шателена вышла замуж за сына Этьена. В старые времена вино у Виктора получалось чуть с кислинкой, и злые языки намекали на плохо вымытые бочки, однако в ту эпоху французы еще пили много вина, продавалось оно хорошо, не то что сегодня. Теперь такое производство вряд ли бы выжило. Дети немало потрудились над его улучшением и добились хороших результатов. Вино высоко ценят в регионе,

---

[4] *Франш-Конте* (Franche-Comté) – регион на востоке Франции, находится на месте древнего графства Бургундия. Среди прочих достоинств имеет развитую часовую промышленность, изделия которой высоко котируются во Франции.

хотя известность распространяется не дальше Макона.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Жереми, повысив голос, чтобы старик услышал.

– Я их купил на улице Мерсьер, у Прадия. Этот часовщик еще помнит, как разобрать механизм, чтобы починить часы.

– Здравствуйте, святой отец, – в один голос сказали Жермена и Корнелия.

Эти старушки так любили сплетничать, что их прозвали Две Ханжи. Быстроглазая Жермена, с крупным крючковатым носом и черными волосами, обожала длинные юбки-брюки из темного бархата и носила их с белыми носочками, которые гармонировали с корнями волос. Корнелия благодаря тихому нраву и скромной внешности просто сливалась с пейзажем: волосы красила в желтовато-бежевый цвет и носила бежевый кардиган, длинную бежевую плиссированную юбку и кожаные мокасины такого же цвета с отделкой зубчиком. Но иногда она позволяла себе нотку смелой фантазии: повязывала волосы зеленой бархатной лентой.

Жереми поздоровался с дамами и вернулся в церковь. Проходя по нефу, он снова оглядел пустые скамьи, зашел в ризницу, снял епитрахиль и ризу. Тут он услышал почти бесшумные шаги и шорох ткани. Это была одна из монахинь, что жили в крыле дома священника. Жереми подошел к ней и протянул футляр с часами.

– Продайте часы и раздайте деньги бедным, – сказал он.

Монашка взяла футляр и улыбнулась.

Он вспомнил, как Кюре из Арса[5] в девятнадцатом веке пустил на благотворительность полученные в подарок часы. Узнав об этом, даритель принес еще одни, потом другие, пока не понял, что кюре все равно их себе не оставит. Тогда он решил просто одолжить ему часы – и был очень рад, когда увидел, что кюре их носит. Жереми считал Кюре из Арса своим наставником.

По узкой винтовой лестнице он поднялся на колокольню и вышел на открытую площадку под куполом. Жереми часто приходил сюда, чтобы побыть одному и перевести дух. Он уселся на каменный бортик. Пахнуло свежим запахом деревьев. Отсюда открывался чудесный вид на крыши Клюни со старой потемневшей черепицей, которая отливала темно-красным, как плоды пассифлоры. Черепица была разная, попадалась и плоская, и даже круглая, что говорило о близости юга. И все это великолепие оттенков красного контрастировало с сияющей синевой неба. С высоты можно было разглядеть лесистые склоны холмов, окружавших средневековый город.

Двенадцать человек…

Он молод, вся жизнь впереди, а он посвятил ее мессам… для дюжины верующих. Жереми глубоко вздохнул. В мечтах он видел себя пастырем, который пробуждает души людей, насыщает пищей духовной, ведет к радости… Двена-

---

[5] *Кюре из Арса* – святой Жан-Батист-Мари Вианней (1786–1859), католический святой, покровитель приходских священников.

дцать человек… И тут же упрекнул себя за эту мысль: не гордыня ли побуждает его жаловаться? Разве он не представлял себя в окружении полного зала верующих? Жереми покачал головой. Нет, его искренность была настоящей, побуждения – чистыми. Это призвание свыше. Но как осуществить свое призвание, если нет паствы? Двенадцать прихожан, в основном стариков и старушек, половина ходит в церковь по традиции, а другая – из суеверной боязни смерти.

Жереми проследил глазами за полетом птицы: она пронеслась над крышами и исчезла за колокольней аббатства, глядящей в синее небо. Аббатство… Вернее, то, что от него осталось. Большая его часть сильно пострадала во время Революции, а потом служила для крестьян каменоломней… А ведь встарь монастырь входил в число самых почитаемых в христианском мире. Он принадлежал ордену бенедиктинцев, имевшему в подчинении тысячу двести аббатств и приоратов, около десяти тысяч монахов по всей Европе. Аббат обладал огромным влиянием и повиновался напрямую Святому престолу, к тому же многие папы происходили из Клюни. И что от этого осталось сегодня? Дюжина верующих в церкви, рассчитанной на четыре сотни прихожан.

Жереми втянул в себя свежий воздух. Далеко внизу виднелись крохотные фигурки, снующие по торговой улице и переулкам. Он долго всматривался в прохожих. Как бы он хотел пробудить все эти души, лишь бы они пришли к нему! Но тут нужно озарение, догадка о том, что, кроме денег, ви-

деоигр, шопинга, секса и телика, в мире существует что-то иное… Неужели это еще возможно? Ему казалось, будто он один из последних верующих в мире, где религия вот-вот исчезнет. Мотивация угасла, его подавляло ощущение собственной никчемности.

Иногда Жереми вспоминал о поездке на угольную шахту. В то время он еще учился в магистратуре, изучая проблемы устойчивого развития производства. Директор шахты не понимал, что защищает энергетику прошлого. Он вел себя так, словно в мире ничего не происходит, говорил о работе, будто не знал, что и клиентов, и рабочих у него становится все меньше и меньше, что шахту скоро уничтожат. Жереми тогда стало его жалко. А теперь он спрашивал себя, не оказался ли сам в сходном положении? Ну, разве что уголь вреден для людей, и когда шахтеры, проведя весь день под землей, поднимаются наверх, они черны с головы до ног. Так что закрытие шахты можно считать прогрессивным явлением. Но ведь духовность пробуждает людей, устремляет их вверх. Если и она пропадет, что же останется?

Жереми тяжело вздохнул, чувствуя, что силы его на исходе. Он окончательно пал духом и даже был готов с этим смириться. Но в глубине души появилось предчувствие: именно из такой тьмы рождается свет.

3

Дверцы шумно захлопнулись за соседкой снизу, и лифт стал спускаться дальше. Ослепительная блондинка выглядела чересчур ухоженной. Алиса в ярости провожала глазами светящиеся номера этажей, стиснув маленькую ручку сына. Вот почему Поль так улыбнулся этой бабенке? Легко быть красивой, когда не надо возиться с ребенком, зато можно ползарплаты тратить на шмотки и каждое утро полтора часа накладывать макияж. А муж в эту западню и попался. Невыносимо…

На первом этаже дверцы раскрылись. Красотка закинула на плечо сумочку «Гуччи», ее высокие каблучки зацокали к выходу. Алиса потащила к стоянке такси дорожную сумку «Delsey» и сына. Поль шел следом с чемоданом в одной руке и мобильным телефоном в другой, на ходу просматривая новости и письма.

Спустя два часа они приехали к отцу Алисы в Клюни и оставили у него машину, взятую напрокат на вокзале скоростных поездов в Маконе. Отец жил в доме, построенном в восемнадцатом веке, с высокими окнами с белым переплетом, разделенным на квадратики, и зелеными ставнями в стиле прованс. Красивый бледно-розовый фасад утопал в глициниях. Тео подбежал к двери и принялся увлеченно звонить. Дед открыл, и мальчик прошмыгнул у него под ногами.

– Качели его интересуют больше, чем я, – усмехнулся старик. – Ну как, хорошо доехали?

Алиса обняла отца, Поль пожал ему руку. Приезжая в гости, Алиса каждый раз радовалась, что он такой безмятежный, – а ведь лет ему было немало. Ясное, светлое лицо отца покрывали мелкие морщинки, которые так славно расходились от синих глаз и тянулись к легким седым волосам.

Все вошли в дом и поздоровались с Мадлен, матерью Жереми, сидевшей с чашкой чая в руке. Поль понес наверх багаж.

– Пожалуй, мне пора, – поднялась Мадлен. – Вам надо побыть всей семьей.

– Нет, что вы, оставайтесь! – удержала ее Алиса.

– Не хочу досаждать вам своими россказнями. Я поделилась с твоим папой тревогой за Жереми. Знаешь, я за него так беспокоюсь…

Она направилась к двери.

– Папа мне передал в двух словах.

У порога Мадлен обернулась и грустно улыбнулась Алисе:

– Подумать только, он ведь разрывался между любовью к Богу и страстью к тебе… К тому же поклонялся тебе, как богине! Если бы Жереми выбрал тебя, с ним бы этого сейчас не случилось.

Ошеломленная Алиса смотрела ей вслед.

– Выпьешь чайку, милая? – крикнул из гостиной отец.

– Сейчас иду!

В голове мелькали события давних лет. И тут Алиса смутно припомнила: точно, Жереми вправду пытался за ней ухаживать, довольно неловко… Она очень дорожила старой дружбой, поэтому не стала играть его чувствами и не оставила другу никакой надежды. Жереми, казалось, воспринял такое отношение спокойно, без особых эмоций. Дружба продолжалась, как ни в чем не бывало. Тогда она приняла это за мимолетное увлечение. В юности легко влюбляются во всех, кто очутится рядом. Она и представить себе не могла, насколько у него все серьезно. Когда же это произошло? Наверное, перед поступлением Жереми в семинарию.

Алиса нервно закусила губы. Она вспомнила о своей скорби, о жизненном кризисе, который пережила сама. Это случилось вскоре после их объяснения. Тогда Жереми подставил ей плечо, выслушал, поддержал, словно не было несчастной любви.

– Иди сюда, милая, все готово.

– Спасибо, папа.

Алиса машинально поднесла чашку к губам и обожгла язык. Как же она слепа… Раньше не замечала чувства Жереми, теперь не видит его тоски. Они встречались каждые выходные в Клюни – и она ничего не улавливала. Профессиональные заботы вынудили ее отвернуться от самых близких друзей.

Алиса вдруг почувствовала себя эгоисткой. А с какой теп-

лотой он принял ее мужа… Сердце у нее сжалось. Да, Жереми – просто святой человек. Она тоже должна ему помочь, сделать хоть что-то, чтобы ему стало легче.

Он это заслужил. И она перед ним в долгу.

* * *

– Куда ты меня везешь? – улыбнулся Жереми. – Я не привык, что людей похищают на выходе из храма.

Маленький красный «пежо», взятый напрокат, быстро выехал из Клюни и покатил по шоссе, соединяющему департаменты.

– В Шапез, в «Сен-Мартен».

– Мы едем в Шапез, чтобы просто пообедать?

– Да, это не на краю света, всего четверть часа езды. Там поспокойнее, чем в Клюни, где все тебя знают.

– А твоя семья присоединится?

Алиса покачала головой:

– Поль остался дома. Он учит Тео рисованию, это его единственная страсть, кроме права разумеется.

Вскоре маленький автомобиль уже мчался между лесистыми холмами с виноградниками на склонах. Алиса опустила стекло, и в салон ворвался напоенный чудными запахами воздух.

Они припарковались в живописной деревне и направились к ресторану «Сен-Мартен», что стоял напротив роман-

ской церкви с великолепной четырехгранной колокольней. Шапез был настоящей старинной деревней с каменными домами, крытыми черепицей нежных тонов. Многие строения украшали башенки и галереи, вокруг разрослись глицинии и бигнонии.

– Ты часто сюда приезжаешь? – спросил Жереми.

– Очень часто. Обожаю этот ресторан!

Они уселись на террасе и сделали заказ.

Им сразу принесли изысканное белое вино. В Бургундии принято пить аперитив.

Алиса подняла бокал:

– За грех чревоугодия, который мы совершаем сегодня!

Они чокнулись, Алиса отпила глоток. Ммм… Божественно.

– Лучше, чем церковное вино, правда?

Жереми в ответ только улыбнулся.

Воцарилось молчание.

– Я встретила твою маму…

Никакой реакции.

– Она… знаешь, она очень беспокоится о тебе, – сказала Алиса.

– Мамы всегда волнуются.

Тишина.

На другой стороне улочки прозвонил колокол, звук медленно затихал. В деревне было настолько спокойно, что казалось, будто время остановилось. В конце марта воздух еще

был свежим, но солнце нежно согревало лица, светлый камень колокольни и арки фасада.

Алиса помолчала и ринулась, как в омут:

– Я тоже беспокоюсь о тебе.

– У меня все хорошо, – поспешно ответил он.

Она хмыкнула:

– Жереми, не нужно быть психологом, чтобы понять, что все не так уж хорошо.

Поначалу Жереми отмалчивался, но Алиса мало-помалу его разговорила. Он не выдержал и рассказал о своей беде: в приходе осталось так мало верующих, что служение теряет смысл. Поле деятельности кюре сузилось до столь смехотворных размеров, что он чувствует себя бесполезным. К тому же наставления Христа не достигают цели – прихожане вовсе не следуют им в повседневной жизни.

Алиса могла только посочувствовать напастям друга: кто же сможет продолжать пастырское служение, если оно не приносит плодов?

Когда он наконец излил душу, наступило долгое молчание. Церковь напротив ресторана казалась уснувшей, хотя солнце ярко освещало ее.

– Я могу кое-что сделать для тебя, – начала Алиса. – Если ты согласен, я готова полностью пересмотреть твою маркетинговую стратегию. Это моя работа.

– Мою маркетинговую стратегию?!!

Он чуть не поперхнулся.

– Это не ругательство, знаешь ли…

– Дело касается церкви, Алиса, а не предприятия. Мне нечего продавать.

– Я просто изучу, как ты говоришь с людьми, и посмотрю, как твои слова можно адаптировать к их ожиданиям.

– К их ожиданиям? – переспросил он отчужденно.

– Послушай, точно существует средство расшевелить людей, как-нибудь иначе их зацепить.

Жереми поднял бровь и грустно усмехнулся:

– Я тронут твоей добротой, но как ты надеешься помочь в вопросах, в которых сама ничего не смыслишь? Ты даже в Бога не веришь…

Алиса хмыкнула.

– Никаких проблем, – солгала она. – Я привыкла вторгаться на неизведанные территории. В этом суть моей работы. Надо только знать несколько приемов. Нет ничего проще.

По его виду она поняла, что он сомневается, и вдохновенно продолжала:

– Ты что, думаешь, я специалист по лапше? По пастам для тартинок? По автомобилям? Нет! Но это не помешало мне помочь «Финдусу»[6] во время скандала с лапшой быстрого приготовления, проконсультировать «Ферреро»[7], когда на-

---

[6] *«Финдус»* (Findus) – шведский бренд быстрозамороженных продуктов.

[7] *«Ферреро»* (Ferrero) – итальянская компания, которая производит шоколад и другие кондитерские изделия. Принадлежит семье промышленника Микеле

шли фталаты в «Нутелле», и поддержать «Фольксваген» в деле об опасных выхлопах.

– Спасибо, что отнесла меня к разряду безнадежных случаев.

Алиса через силу улыбнулась, взяла бокал и отпила глоточек, не сводя глаз с Жереми.

– В любом случае, – продолжал он, – все твои примеры связаны с продажей продуктов, с чем-то ощутимым и реальным. Не думаю, что ты разбираешься в умозрительных вопросах. А ведь духовное не имеет ничего общего с материальным.

Алиса почувствовала себя оскорбленной до глубины души. За кого он ее принимает? Она годится лишь для возни с пастой для тартинок?

Это она-то, гордая ролью консультанта, которую так уважают коллеги… Каждый день она находит самые эффективные формулировки для тысяч клиентов, ведет переговоры о масштабном международном контракте…

– Напомни, сколько у тебя прихожан?

Он бессильно пожал плечами:

– Ничего уже не поделаешь. Мое дело пропащее, все потеряно.

Алиса ощутила себя ребенком, верившим, что сможет переплыть озеро, а ему объяснили, что это полная чушь.

Последний раз ей предсказывали неудачу, когда она на-

Ферреро.

чала работать стажером. Она отважилась сформулировать предложения для клиента, хотя ей полагалось всего лишь составлять краткие отчеты по совещаниям. Ее вежливо поставили на место: предложение не имеет под собой почвы, клиенту оно не понравится. Алиса принялась настаивать, поскольку была уверена в ценности своих идей, и выдержала настоящий бой за право представить их клиенту. И тот не только поддержал, но и быстро применил эти предложения, что принесло ему немалую выгоду. Тогда из стажеров ее перевели в сотрудники с бессрочным договором.

«Не думаю, что ты разбираешься в умозрительных вопросах…»

В это трудно поверить…

– Дай мне пару месяцев, и я найду способ удвоить количество твоих прихожан!

Жереми поднял глаза:

– Не знаю, как у тебя это получится, да и потом… Что двенадцать, что двадцать четыре – дела не меняет.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Сто! Ты обязуешься следовать моим советам, и я приведу в церковь сто прихожан!

Он печально вздохнул:

– Алиса, ты во власти иллюзий, это невозможно. Здесь все не так, как в мире бизнеса. Деловые стратегии в церкви не работают.

Чем больше он сомневался в ее словах, тем сильнее ей

хотелось показать свои таланты.

– Спорим, что мне это удастся?

Он ничего не ответил.

– Так что, спорим или нет?

– На что я буду спорить? На пожертвования в моей церковной кружке?

Она одарила его самой очаровательной улыбкой:

– На поцелуй в первый день грядущего года.

Он мечтательно улыбнулся и пробормотал:

– Договорились.

Алиса заказала еще вина, и они чокнулись.

Она отпила глоток, довольная, что все-таки его убедила.

Теперь ей предстояло засучить рукава. Она и понятия не имела, как ко всему этому подступиться, ведь эта сфера деятельности была совершенно новой. А поражение будет огромным, и Жереми его предсказал. Но главная проблема крылась в другом.

Как же себе в этом сознаться?

Она отхлебнула вино.

Алиса была настоящей атеисткой, не выносила ничего, связанного с религией, приходила в ужас от церковных сувениров. Когда она переступала порог храма, ей становилось просто дурно.

4

Так, сначала надо познакомиться с той самой книгой, только чтобы точнее узнать, о чем идет речь. Но листать ее в автобусе, у парикмахера или дантиста, а тем более в конторе все же не получится. Читать буклет или досье клиента – обычное дело, никаких проблем. А вот вытащить на людях Библию – это будет странно, даже немного стыдно…

Тогда она придумала, что сделать. Если отсканировать обложку книги, из тех, что Поль каждый вечер притаскивал домой, и подогнать по формату, то получится отличная суперобложка, этакий камуфляж.

В понедельник надо было досидеть в бюро до семи часов, хотя дел у нее не было. Алиса вытащила из сумки ярко-красную книжку издательства «Даллоз» с броским белым названием «ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС». На самом видном месте бросалась в глаза цитата из Статьи 716: «Клад принадлежит тому, кто нашел его на своей земле…» Внутри иллюзия тоже была полной: такие же тонкие страницы, текст набран в две колонки мелким шрифтом. Чтобы обнаружить подмену, надо было вчитаться в то, что скрывалось под обложкой: Высший Закон заменяет все законы.

Спустя час, облокотившись на стол и впившись глазами в книгу, Алиса на грани отчаяния кусала губы. Если бы она сама не решила помочь Жереми, то расхохоталась бы, настоль-

ко текст показался ей гротескным. Удручающе гротескным. Да это просто сплошная ахинея без конца и без начала, скопище невыполнимых, просто нелепых заповедей… Черт побери, как же она сдержит слово?

Блаженны вы, когда будут поносить вас, – сказал Иисус.

Как же так? Выходит, тебя оскорбляют, а ты от этого млеешь? Всю жизнь только о том и мечтал?

Блаженны нищие духом.

Что верно, то верно: зачем до двадцати пяти лет потеть на факультетской скамье, укрепляя дух, если для счастья он не нужен? К тому же и так хорошо известно: если ты с головой не дружишь, никто не будет тебя использовать, не станет над тобой смеяться…

Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

Ага, конечно… И как это она раньше не додумалась?

Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет.

Ну прямо как при последней школьной реформе.

Богатый не войдет в Царство Небесное, пока богат…

«Только лишний повод разбогатеть, – решила Алиса. – Я вовсе не тороплюсь на небеса! Короче: чтобы быть счастли-

вым, надо быть дурнем, позволять себя оскорблять, не возражать, когда тебе наступают на ноги, унижаться и срочно стать бедным. Целая программа».

Прежде нежели был Авраам, Я есмь.

Авраам был, а я есмь???… Да, грамматика и спряжения – явно не его конек.

И будут два одной плотью…

И с математикой тоже нелады.

Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе.

А это что-то вроде кровосмесительного совокупления улиток-гермафродитов.

Когда вы обнажитесь и не застыдитесь и возьмете ваши одежды, положите их у ваших ног, подобно малым детям, растопчете их, тогда вы увидите Сына Того, Кто жив…

Он что, хотел открыть клуб нудистов? Тогда почему так осуждали кардиналов, которых в прошлом году застали голышом в гейской сауне в Риме?

– У тебя затруднения в юридических вопросах? – спросил Рашид, коллега Алисы, который делил с ней кабинет.

– Это нужно для клиента.

– И с чем ты столько возишься?

– Да так, с одним старым приемом последнего рывка в конце забега.

– Как в Шаранте, что ли? Я через это прошел. У меня так было, когда я ишачил на «Дюралекс»[8], знаешь, эти модели бокалов, которые лет сорок не меняются. Так вот, хуже всего техническая документация. Лучше загодя выправлять опасную ситуацию, так интереснее, даже возбуждает. А сколько лет этому приемчику?

Алиса хмыкнула:

– Да около двух тысяч.

– Ого! Да твои шарантские штучки давно мхом поросли!

Алиса через силу улыбнулась и снова уткнулась в книгу.

Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас…

В этот момент в кабинет вошел Арнольд, ответственный за учет финансовых операций с клиентами. Арнольд принадлежал к породе людей «я всегда прав», общаться с ним было неприятно. Синеглазый брюнет, он мог бы даже считаться красавцем, если бы не несносный характер, который его портил.

– Вы напортачили в декларации времени грузоперевозок «ИКЕА», – сказал он.

Алиса подняла глаза. Они с Рашидом месяца два корпели над скандалами в «ИКЕА», особенно когда было продано

---

[8] *«Дюралекс»* (Duralex) – французская фирма по изготовлению посуды из очень прочного стекла. Изделия «Дюралекс» крайне редко бьются.

шесть тысяч шоколадных тортов, в которые попали частицы фекалий.

– Как так?

– Вы декларировали наезженные километры за те дни, когда не были выставлены почасовые счета, – заявил он с мерзким презрением.

Алиса и Рашид озадаченно переглянулись.

– Километры в день декларируют тогда, когда их наматывают, – заметил Рашид.

– Да ну? Значит, вы указывали наезженные километры в дни, когда не работали с клиентом? Но это нелогично.

«Это нелогично» Арнольд говорил по любому поводу – ради того, чтобы сделать из вас идиота.

Алиса сосредоточилась на тексте, чтобы не врезать ему как следует.

Благословляйте проклинающих вас.

– Лично я ничего не знаю, – ответил Рашид. – Может, кто-то выехал пораньше, чтобы успеть на утреннюю встречу?

– Ничего не знаешь… ничего не знаешь… А я тогда откуда узнаю?

Алиса проследила глазами, как он в ярости уходит, и тихо прочла:

– *Молитесь за обижающих вас и гонящих вас.*

– Что ты сказала? – фыркнул от смеха Рашид.

– Это Иисус говорит… в тексте. Ты не поймешь.

– Милая моя, Иисус – один из пяти великих пророков ис-

лама.

Вот тебе и на! Этого только не хватало! В наше время это, конечно же, лучший из аргументов, чтобы поправить дела…

– Представь на минуту, – продолжил Рашид, – весь день возишься со счетами, по сути выполняя работу за Арнольда. Вот где настоящий ад! Когда у тебя шеф – Арнольд…

– Заметь, приходится любоваться на целую команду таких же придурков. Чокнуться можно!

Рашид согласно кивнул:

– Ага, он еще рекрутер никудышный.

Иисус тоже был никудышным рекрутером, подумала Алиса. Из двенадцати завербованных им апостолов один вообще ничего не соображал и в конце концов от него отрекся. Второй предал, а остальные разбежались, как воры, когда запахло жареным. Ни один не остался верен… И лидером он тоже не был – без конца жаловался, что не удается передать веру даже своим апостолам.

Алиса закрыла Писание и резко отодвинула его. Она совсем растерялась. Впервые за всю карьеру она почуяла, что столкнулась с невыполнимой миссией.

Рашид начал кому-то названивать. Она со вздохом развернула кресло к застекленной стене. Из серого океана парижских крыш то там, то здесь взмывали вверх колокольни, последние остатки агонизирующей религии. Странно, в глубине души она ощущала привязанность к соборам, хотя тер-

петь не могла в них заходить. И дело не в интересе к архитектуре. Несомненно, это был пережиток цивилизации, к которой она тоже принадлежала.

Алиса снова глубоко вздохнула. Если собрать волю в кулак, набраться смелости и мобилизовать все профессиональные знания, может, что-нибудь да получится? В конце концов, удалось же вернуть посетителей в рестораны «ИКЕА» после того, как их угостили шоколадным тортом с какашками!

5

Возвеселитесь!

Возвеселитесь!

Сидя на скамье в соборе Нотр-Дам-де-Клюни, Алиса с трудом сдерживала хохот, который всякий раз накатывал на нее при звуке церковных песнопений. От напряжения даже свело ребра.

Злоязычные ханжи Жермена и Корнелия, в нелепой одежде, напоминавшей и католиков-версальцев, и палачей 1793 года, выводили хором:

Радостью буду радоваться о Господе,
Возвеселится душа моя о Боге моем!

Так, надо отдышаться, чтобы приступ судороги прошел, скорее отдышаться. Вбирать воздух надо потихоньку, короткими вдохами, ведь если раздуть легкие сразу, то они могут взорваться неудержимым смехом.

Аллилуйя, воцарился Господь!
Радуйтесь, ликуйте!

Подавленный вид Жереми не вязался с веселой мелодией песнопения.

С гласом радости возвещайте эту весть!

Желание расхохотаться все же пошло на пользу, ведь, когда Алиса входила в храм, ей всегда становилось не по себе. Она не могла выбрать, что делать: перекреститься и считать себя лицемеркой? Или не делать этого, но тогда тебя осудят как нечестивицу?

Воспойте Ему и пойте Ему,
Поведайте о всех чудесах Его!

Алису окрестили при рождении по воле отца – скорее по традиции, чем следуя истинной вере. Ее мать восприняла крещение в штыки, переняв враждебность к религии от своей мамы. Та воспитывалась в католической школе, страдая от притеснений злобной настоятельницы, и сохранила об этом самые скверные воспоминания. Контакты Алисы с церковью тем и кончились, Закон Божий она не учила. Естественно, она стала атеисткой.

Вкусите и увидите, как благ Господь!
Господь, я во власти Твоей.

Вдруг ей в голову пришла внезапная мысль, и она достала свой «Гражданский кодекс», чтобы проверить. На это понадобилось время, хотя она и прочла Новый Завет трижды, чтобы проникнуться: старая кабинетная привычка. Ага, вот,

нашла! Это в Евангелии от Матфея, глава 6, стих 6. Иисус советует молиться в одиночестве, а не в святилищах. Он и сам их не посещал: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Но тогда почему верующие в Иисуса собираются для молитвы в храме? Странно…

Тут Жереми подал прихожанам знак перейти к псалму:

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
И по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.
Многократно омой меня от беззакония моего,
И от греха моего очисти меня,
Ибо беззакония мои я сознаю,
И грех мой всегда предо мною.
Тебе, Тебе единому согрешил я,
И лукавое пред очами Твоими сделал[9].

Потом он произнес проповедь о первородном грехе, из которого проистекает греховная природа человека. Однако Алиса точно знала: в Священном Писании Христос не упоминает о первородном грехе. Даже иносказательно. Ни разу. Откуда же такое расхождение?

Находясь в дальнем приделе собора, Алиса издалека любовалась нефом и клиросом. Если поднять глаза, становились видны высеченные в камне лица. Среди них выделялось

[9] Пс. 50: 3–6.

изображение знаменитого в Клюни Пиду́ Берлю – с тремя лицами под одной короной.

Маленькая горстка прихожан терялась в просторном нефе. За спинами людей маячили ряды безнадежно пустых стульев. Справа располагалась старинная, покрытая пылью исповедальня из темного дерева. Алиса и сама не понимала, почему при взгляде на нее сразу бросает в дрожь. Дальше стоял стол с религиозными брошюрками. На обложке одной был напечатан портрет папы под ватиканской позолотой.

Когда Иисуса собирались сделать царем иудеев, он попросту сбежал, а потом сказал римлянину: «Царство Мое не от мира сего». Теперь Ватикан – настоящее государство, папа как его суверен имеет собственный двор, подданных, казну. Его царство вполне от мира сего…

Внезапно она вспомнила, как перед мессой Жереми поднялся на паперть. Каждый прихожанин приветствовал его: «Здравствуйте, отец мой». Она быстро перелистала «Гражданский кодекс» и сразу поняла, что ее так удивило. Иисус советовал ученикам: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах».

Алиса хмыкнула. Странная религия: все время противоречит тому, что говорил Мессия.

О Господь! О Господь!
Как величественно имя Твое по всей земле.

Снова зазвучали песнопения. Алиса принялась листать Писание. В Евангелии от Луки, в главе 6, стихе 46, Иисус спрашивает учеников: «Что вы зовете Меня: „Господи! Господи!“ и не делаете того, что Я говорю?»

* * *

После мессы Алиса и Жереми прошли пешком по центру города в сад возле ратуши, возвышавшейся над старым аббатством. В синее небо поднимались столетние кедры, их величавые ветви склонялись к земле, словно в знак почтения к гуляющим. Друзья шли молча, с еле слышным шорохом приминая ногами траву. В воздухе пахло весной, отчаянно хотелось дышать полной грудью. Однако Алиса сдержалась, чувствуя, что все больше и больше пробуксовывает в исполнении той миссии, что сама себе назначила. Она еще помнила, как ее разбирал смех. И теперь опять ощутила полное бессилие. Как заставить современных людей посещать собрания, именуемые мессой? Эта задача казалась выше ее сил. Песнопения были глупыми, проповеди вызывали чувство вины, а остальное наводило смертельную скуку. И все это – на фоне печали и унылой физиономии бедняги Жереми.

По траве перед ними пробежала белка и быстро взобралась на кедр.

Ладно. Начнем сначала.

– Какова твоя задача как священника?

– Прости, не расслышал…

– Ну, зачем все это? И месса, и то, что ты делаешь…

Он воодушевился.

– Нести людям Благую весть.

– Какую благую весть?

– Благую весть Евангелий.

– А можешь объяснить попроще?

Жереми нахмурился.

– Ну хорошо, – снова заговорила она. – Что ты хочешь в конечном итоге донести до людей?

– Я хочу прояснить все истины, о которых Иисус говорил ученикам, а они их записали.

– Хорошо. О'кей… И что это даст людям, какую пользу принесет?

Она едва не допустила грубой ошибки, заговорив о чисто коммерческой пользе, о выгоде. Такую профессиональную деформацию он вряд ли оценил бы. Насколько легче разговаривать так с руководителем предприятия. Если он выпускает посудомоечные машины, нетрудно определить, что это дает людям: те экономят время, экономят воду и стаканы у них всегда блестят. Но здесь мы находимся в менее ощутимой области…

Так, задавая вопрос за вопросом и опровергая каждый довод Жереми, Алиса пришла к очень личному выводу, который остереглась произнести вслух: если бы люди собрали воедино все заповеди Иисуса, они стали бы гораздо счастли-

вее. В это трудно поверить, особенно когда читаешь Библию, ну да ладно, к счастью, она никогда не отвечала за то, удовлетворен клиент или нет. Если из посудомоечной машины вдруг станут доставать мутные бокалы или механизм через три месяца сломается, ее это не коснется.

– А знаешь, – сказал Алиса, подумав, – чтобы привлечь к себе больше людей, хорошо бы во время мессы поменьше говорить о Боге.

– Что?

Жереми едва не поперхнулся.

– В наше время большинство людей в Бога не верит, так что не имеет смысла их сразу же оглоушивать…

– Оглоушивать? А о чем я, по-твоему, должен говорить? О фильме, который накануне показывали по телевизору?

Обычно сдержанный, сейчас Жереми ужаснулся и не мог этого скрыть. Алиса сразу пожалела о бестактности и заговорила, тщательно подбирая слова:

– Тебе надо подчеркнуть именно то, что́ в заповедях Иисуса может пригодиться людям в реальной жизни.

«Ну вот, наконец-то… только бы сработало», – подумала она.

– Я понял. У тебя утилитарный взгляд на духовность, доступный индивидуалистам.

Алиса кивнула и грустно улыбнулась.

Они снова двинулись дальше по саду. У Жереми был задумчивый вид.

– Проблема, – заговорил он наконец, – заключается в том, что духовность противоположна такому сближению: сначала надо отказаться от личных интересов, только тогда человек сможет открыться тому, что его превосходит.

Алиса недовольно поморщилась:

– Когда-то я занималась танцами. Так вот, никто, абсолютно никто не делал больших успехов с первых шагов. В любом случае каждый начинает с той позиции, на которой находится, и двигается вперед очень медленно.

Жереми ничего не ответил, и Алиса почувствовала, что получила очко в свою пользу.

Они прошли еще несколько шагов и уселись на зеленый склон.

– Я вот что хотела посоветовать: а что, если перестать без конца говорить о грехе? Ведь это внушает людям чувство вины, им хочется бежать от тебя со всех ног.

Жереми тряхнул головой:

– Как я могу пойти на такой риск, если Иисус умер ради того, чтобы очистить нас от грехов?

Алиса с сомнением покачала головой:

– Иисус никогда об этом не говорил, а вот о том, что смерть его близка, повторял много раз. И потом, он не был, как вы, одержим идеей греха. Апостолы описывали его как жизнелюба, который не прочь вкусно поесть и выпить…

– Не может быть, чтобы ты всерьез такое говорила.

Она раскрыла Библию:

– Посмотри сам. Я тут стикер наклеила… Ну вот, слушай. Матфей о нем пишет: «Вот человек, который любит есть и пить вино».

Жереми не ответил.

– И потом, – добавила она, – вы сделали из него какого-то бесполого недотрогу, хотя он вовсе не советовал супружеским парам полного воздержания или сдержанности в отношениях. Напротив, он говорил: «Не лишайте себя друг друга»! Он сам позволял куртизанкам гладить себе ноги распущенными волосами. И он мог завести дружбу с проститутками. Твой Иисус был полной противоположностью тому стеснительному аскету…

Жереми по-прежнему молчал. Может быть, его затронули эти доводы? Надо продолжать. Нельзя давать ему остановиться на полпути.

– Я еще хочу сказать пару слов о выборе песенок.

Жереми насупил брови:

– Ты, несомненно, имеешь в виду литургические песнопения?

Не надо его раздражать.

– Я помню, – снова заговорила она, – когда была маленькая, слушала грегорианские песнопения. Это захватывало, было очень красиво. Почему вы расстались с ними ради ваших… литургических песен?

Жереми расхохотался:

– Нет, ты кого угодно собьешь с толку! Тебя бросает от

нечесаного модернизма к традиционализму!

– Но грегорианский хорал воздействует гораздо больше, чем нынешние песнопения, разве не так?

К тому же, подумала она, он еще обладает гипнотизмом и как нельзя лучше подходит, чтобы усыпить способности к рассуждению. Как раз то, что нужно.

– Но люди не понимают латыни! Никто не разберет смысла слов.

«Может, оно и к лучшему», – подумала Алиса, вспомнив тексты, что распевали старушки на недавней мессе.

– В любом случае признай, что ваша музыка просто поражает художественной убогостью. Слушая ее, ничего не чувствуешь, кроме скуки. Тут нужна музыка, которая схватит тебя за живое, проймет до глубины души… К примеру, Бах! Слушаешь «Иисус, моя радость» и сразу оказываешься в другом измерении. И это так прекрасно, что слезы наворачиваются на глаза.

Жереми покачал головой:

– Это поют только при бракосочетании.

– Ну и зря! Важно лишь то, что заставляет поверить в иную реальность… Ты только что говорил о душе, открывающейся навстречу чему-то великому… Так вот, когда ты слушаешь такую музыку, ты словно присоединяешься… к Сотворению мира! К самому Создателю! Бах делает верующих большими материалистами, чем неверующие, и большими марксистами, чем коммунисты!

– Но…

– В любом случае с твоими глупыми песнопениями ты не сможешь вывести людей на другой уровень сознания!

Было заметно, что Жереми задели ее слова, Алиса снова пожалела, что не сдержалась и вспылила. Ведь она дала себе слово не делать ему больно…

Воцарилось молчание, и Алиса сразу ощутила его тяжесть. Сад вокруг был безлюден, одно бы дуновение ветерка оживило атмосферу шелестом листьев… Огромные кедры с повисшими ветвями, казалось, сочувствовали ей.

– Ладно, я согласен, пусть будет Иоганн Себастьян Бах, – произнес наконец Жереми.

На лице Алисы расцвела довольная улыбка. Однако к радости примешалась и нотка восхищения: вряд ли в мире найдется много людей, способных так быстро разделить вашу точку зрения после того, как вы их серьезно задели. Несомненно, это говорит о величии души…

Она молча смотрела на Жереми. Он сидел к ней в профиль, глаза его блуждали где-то далеко, на вершинах поросших пихтами холмов. Какая досада, что человек, обладающий таким благородством духа, выглядит как в воду опущенным, а ведь он обретает невероятную силу, стоит ему только засветиться радостью.

Разве ее главная задача не заключалась в том, чтобы вывести его из этого состояния? В самом деле, разве он сможет привлечь людей в храм и сказать им слова, что приведут к

свету, к озарению, когда в нем самом свет еле теплится? Как побудить его работать над собой, научить любить самого себя?

– А ты слышал что-нибудь о Тоби Коллинзе?

– Нет.

– Он ведет семинар по личностному росту. Семинар просто гениальный, мне бы очень хотелось тебя туда затащить…

«Неудивительно, что он ничего об этом не знает, – подумала Алиса. – Для чего интересоваться личностным развитием, если твое спасение в руках божьих?»

– Что-то вид у тебя какой-то квелый, – сказала она.

Он через силу улыбнулся.

– Я вот спрашиваю себя, не потеряю ли я свою душу, если стану следовать всем твоим советам, чтобы привлечь людей в храм?

Алиса ничего не ответила, но глаз не отвела. Жереми выглядел озабоченным и растерянным, как человек, потерявший все свои ориентиры. Теперь он рассматривал руины аббатства. Несколько минут она чувствовала себя виноватой и упрекала за то, что вмешалась в его дела, когда ее об этом не просили. А потом, понаблюдав, вдруг поняла: к нему стала возвращаться вера в себя.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– О словах Мейстера Экхарта.

– А кто это?

– Знаменитый христианский мистик тринадцатого века,

профессор Сорбонны.

– И что он говорил?

Жереми медленно набрал в грудь воздуха, словно собирался вздохнуть:

– Возможно, надо расстаться с Богом, чтобы обрести Бога.

6

Зал был набит битком, в нем уместилось около восьмисот человек. Мощный прожектор освещал сцену ярким светом. Как обычно, звучала громкая, завлекающая музыка. Сидя в кресле среди публики, Алиса ощущала себя важной персоной.

Появление на сцене Тоби Коллинза вызвало шквал аплодисментов и радостный гул. Этот двухметровый белокурый гигант в шикарном костюме двигался с обычной непринужденной уверенностью и улыбался, сияя невероятной белизной зубов. Алиса приветливо смотрела на него, не аплодируя, словно дружба, завязавшаяся между ними, освобождала от этого ритуала признательности, который она оставляла безымянной толпе. Четверть часа тому назад она привела Жереми с собой в гримерку, где с гордостью представила их друг другу. Она гордилась дружбой со знаменитым, великим Тоби Коллинзом, высшим авторитетом в области личностного роста.

Тоби поздоровался с залом и начал рассказывать милый анекдот, вызвав хохот у аудитории. По-французски он говорил почти идеально. Сегодня темой занятия было самоуважение, что заинтересовало Алису. Она с беспокойством покосилась на Жереми, сидевшего рядом, ибо только сейчас оценила масштаб несоответствия между интимной сосредо-

точенностью мессы и грандиозным шоу в американском стиле, куда она его затащила. Она вдруг испугалась, что он будет чувствовать себя не в своей тарелке. Но друг не выказывал никакой реакции на происходящее. По крайней мере, не выглядел враждебным. Или пока не выглядел.

– Мне нужен доброволец, – сказал Коллинз, – чтобы сыграть в одну игру…

В публике сразу же взметнулась добрая сотня рук. Все хорошо знали, что это шанс побыть на сеансе у Тоби подопытным кроликом.

– …игру в устный счет.

Все руки, как по команде, опустились, по залу прокатилась волна смеха.

– А я думал, что Франция – чемпион в мире математики! Так где же чемпионы?

Зал разделился на тех, кто смеялся, и тех, кто уставился себе под ноги в страхе, что их вызовут. Коллинз с улыбкой прошелся по сцене и остановил взгляд на девушке в первом ряду.

– Я уверен, что вы прекрасно считаете в уме.

Она энергично замотала головой, публика снова засмеялась.

– Идите сюда, смотрите, вас поддерживают, – сказал он, адресуясь к залу, который с облегчением захлопал.

Девушка зарделась и поднялась на сцену. Брюнетка, волосы до плеч, серые джинсы, голубая блузка.

– Здравствуйте, – с улыбкой сказал Тоби. – Как вас зовут?

– Жюльетта.

– Добро пожаловать, Жюльетта.

Она робко улыбнулась.

– Я хочу предложить вам несколько простых примеров на устный счет. Не волнуйтесь, на ответ у вас будет столько времени, сколько понадобится. Договорились?

Она кивнула:

– Но предупреждаю вас, в математике я не сильна…

– Ну и отлично, – доброжелательно сказал он. – Мы не собираемся оценивать ваш уровень. Это всего лишь игра. К тому же в этом зале семьсот девяносто девять человек, все очень признательны вам за то, что вы поднялись на сцену вместо них.

Она рассмеялась, и чувствовалось, что ей удалось немного расслабиться.

– Итак, для начала, сколько будет двадцать четыре плюс тринадцать?

– Двадцать четыре плюс тринадцать? Э…

– У вас достаточно времени.

– Хорошо… тридцать восемь? Нет… тридцать девять?

– Вы недалеки от истины. Ну, вспомните, сначала надо сложить единицы, четыре плюс три, и мы получим…

– Семь.

– Браво. А теперь десятки, два и один…

– Хорошо, три. О’кей! И получилось тридцать семь.

– Еще пример.

– Ой, нет! – взмолилась она.

Но он продолжил, сокрушительно улыбаясь:

– Семнадцать плюс девятнадцать.

– Ух ты… Это еще труднее…

Она покраснела и принялась кусать губы.

– Соберитесь, спокойнее.

– Не знаю… Тридцать четыре? Нет, у меня не получится. Я же вам говорила: я в счете не сильна. Не стоит и пытаться.

– Ладно, не буду вас больше мучить.

Девушка повернулась и собралась спуститься со сцены.

– Подождите, Жюльетта.

Она запнулась.

– Вам ведь не хочется терпеть поражение?

– По правде говоря, нет. Я предпочла бы остаться на сцене.

В зале раздался смех. Алиса тоже рассмеялась: она всем сердцем болела за девушку.

– Поражения в жизни бывают полезны, если в результате что-то понимаешь. Вот вы, что вы уяснили?

– Что я ничего не смыслю в математике! И что не видать мне Филдсовской медали…[10]

Зал снова засмеялся, а Коллинз покачал головой:

– Нет, вы это поняли не здесь, вы об этом сказали, когда

---

[10] *Филдсовская премия и медаль* – премия по математике, вручается раз в четыре года на международном математическом конгрессе.

игра только началась… Я очень сожалею, но нельзя уйти со сцены без нового навыка.

Девушка вздохнула и скрестила руки. Чувствовалось, она не столько пристыжена, сколько доведена до отчаяния. Коллинз спокойно и терпеливо ждал.

– Я поняла, – сказала она, – больше никогда не надо принимать участия в подобных опытах!

Коллинз доброжелательно улыбнулся:

– А вы согласились бы все начать сначала, но под гипнозом?

Жюльетта сначала удивилась, а потом, чуть поколебавшись, кивнула:

– Смешнее, чем сейчас, все равно не буду.

– Неудача никогда не делает человека смешным. А мне хотелось бы кое-что попробовать.

– Ладно.

– Тогда присядьте, – сказал он, указав ей на одно из двух кресел.

Сам он сел рядом.

– Как вы себя чувствуете?

– Бывало и лучше…

В публике раздались несколько смешков.

– Тогда устраивайтесь поудобнее и расслабьтесь. Глаза закрывать необязательно, хотя, может быть, вам и захочется… Вы сидите в кресле, вы расслаблены…

Твердый и решительный голос Тоби Коллинза стал опус-

каться в более низкий регистр, а темп речи начал замедляться. Тоби говорил все медленнее и медленнее, голос сползал все ниже и ниже, и создавалось впечатление, что он говорит, уже почти позевывая. Жюльетта закрыла глаза.

– Вы ощущаете все точки соприкосновения вашего тела с креслом, сверху донизу… вы слышите мой голос… и отпускаете себя… спокойно… потихоньку… все глубже и глубже… напряжение спадает…

Он отделял каждый слог, словно всякий раз засыпал, перед тем как закончить слово. А голос сделался все ниже, его вибрации теперь шли откуда-то из живота, резонируя с ритмом дыхания.

– Вот так… хорошо… молодец…

Очевидно, эти короткие реплики помогали Жюльетте расслабиться; Тоби понемногу стал вводить ее в неглубокий транс: он согласовывал внушение с ее сенсорными реакциями, формулируя свои утверждения так, чтобы они отвечали ее расплывчатому самоощущению, а потом постепенно смещал ориентиры. Этими техниками он владел превосходно, и Алиса, хотя и была всего лишь наблюдателем, ощутила, что сама соскальзывает в измененное состояние сознания.

– А теперь, когда вы чувствуете, что достаточно глубоко расслабились, скажите, сколько будет двадцать шесть плюс двенадцать… Не торопитесь, отвечайте в своем ритме.

Жюльетта помолчала, чувствовалось, что она спокойна и расслаблена.

– Тридцать восемь.

Голос ее прозвучал четко и ясно.

– Отлично, Жюльетта, – медленно произнес Тоби низким голосом. – Великолепно. А теперь скажите, сколько будет тридцать девять плюс тринадцать.

Короткое молчание.

– Пятьдесят два.

– Хорошо, Жюльетта, очень хорошо… А пятьдесят три плюс восемнадцать?

Последовало более долгое молчание, но на лице Жюльетты не отразилось ни страха, ни любой другой отрицательной эмоции.

– Семьдесят один.

– Браво, Жюльетта. А теперь спокойно, в своем ритме, когда ощутите, что готовы, можете вернуться к нам.

Прошло еще несколько секунд, Жюльетта открыла глаза и улыбнулась.

Зал зааплодировал.

– Гипноз – вовсе не магия, – сказал Коллинз. – На самом деле это измененное состояние сознания. В этом состоянии вы свободны от ментальных тормозов, от страхов, сомнений и имеете полный доступ к собственным ресурсам. Я говорю только о *ваших* ресурсах: ваши ответы на мои вопросы исходят только *от вас, и больше ни от кого*. Вы только что недооценивали свои способности, такая заниженная оценка мешала вам их проявить.

Жюльетта согласно кивнула.

Тоби поблагодарил ее за участие в эксперименте, она вернулась на место под аплодисменты.

Он встал и снова обратился к залу:

– Нехватка самооценки мешает осознать свой потенциал. Когда я говорю о ресурсах, то имею в виду все наши способности: интеллектуальные, физические, способности к общению, наши умения. А также все силы, что дремлют в нас, но мы не всегда их используем. Вы очень удивитесь, узнав, что они гораздо больше, чем вы думаете.

Он помолчал, словно хотел, чтобы его слова лучше впитались в сознание людей. В зале стояла мертвая тишина, как всегда бывает, когда мы вдруг осознаем, какая неразбериха творится в нас из-за привычки сурово себя судить.

Алиса тоже признавала за собой склонность к самокритике, а потому всегда старалась обуздывать свои способности и урезать ресурсы… но вдруг она осознала, что тем самым совершает настоящее преступление!

– Но есть и хорошая новость, – сказал Коллинз, – которая состоит в том, что осознание своего потенциала развивает самооценку, а это, в свою очередь, позволяет быстрее получать доступ к нашим ресурсам, а значит, быть успешными и гордиться собой, и т. д., и т. д… Получаем замкнутый круг собственных добродетелей! Но главный вопрос…

Тут он снова сделал паузу, явно, чтобы мобилизовать внимание зала.

– Главный вопрос вот в чем: как соединить этот круг с повседневной жизнью, с чего начать эту работу?

Алиса искоса взглянула на Жереми. Казалось, он заинтересовался, и это ее успокоило.

– Видите ли, техника, которую я предлагаю, базируется на удивительной особенности нашей нервной системы: не делать различий между реальным и виртуальным.

Коллинз пробежал глазами по аудитории.

– Вы мне не верите? Ладно. Закройте глаза… Нет, все закройте глаза… Хорошо… А теперь откройте рот… А теперь представьте, что я подношу к вашим губам лимон… и давлю на него, пока сок не потечет по вашему языку!

Алиса сразу почувствовала, как рот наполняется слюной.

– Ваш организм отреагировал так, словно все произошло на самом деле. Вы прекрасно знаете, что никакого лимона нет. Но вы приняли условия игры, вы согласились представить себе лимон и повели себя так, словно вправду ощутили на языке кислый сок. И ваша нервная система отреагировала совершенно правильно. Виртуальное влияет на нас точно так же, как реальное.

Алиса подумала о подростках, что проводят вечера напролет, виртуально убивая тысячи людей в ходе компьютерной игры. Какое же влияние это может оказать на их еще не сформировавшуюся личность?

– Техника, которую я предлагаю, чтобы выработать уверенность в себе, основана на этом свойстве нервной систе-

мы. Идея следующая: вместо того чтобы стараться убедить вас в наличии собственных ресурсов для дел, к которым вы не решались и подступиться, боясь, что у вас нет способностей, я предлагаю поступать так, словно вы все можете. Попробуйте грезить наяву, представьте себе, что вы все умеете, и придайте этому представлению видимую форму, то есть визуализируйте его. Вы будете удивлены результатом.

Взгляд Коллинза остановился на одном из зрителей в первом ряду.

– У вас такой вид, будто вы сомневаетесь.

Ответа никто не расслышал, но Тоби вслух сформулировал его для зала:

– Вы спрашиваете, как это сможет дать вам способности, которыми вы не обладаете. О'кей. Идея не в том, чтобы их вам предоставить, а в том, чтобы позволить использовать те, которыми вы пренебрегаете из-за неверия в себя. А обретение веры и самоуважения позволит высвободить все ваши способности и наилучшим образом ими пользоваться. Но я слишком много говорю. Гораздо лучше попробовать. Сядьте, пожалуйста, поудобнее.

Тоби и сам уселся в свое кресло.

– Это игра, в которую каждый играет сам по себе, соло, а следовательно, она обеспечивает полную конфиденциальность. Я предлагаю подумать о вашем месте работы, о должности и планах, если таковые имеются, и мне хотелось бы, чтобы вы написали на бумаге, на какое повышение доходов

рассчитываете в ближайшие три года. Укажите максимальный уровень прироста дохода, который вы в состоянии ожидать, а также опишите, пожалуйста, как вы намерены его достичь. Даю вам возможность подумать…

Он взглянул на часы и замолчал.

Алиса обменялась взглядом с Жереми и улыбнулась ему. Это упражнение явно не вязалось с его работой, ей снова стало неловко.

Тем не менее для себя она решила все выполнить и для начала сделала глубокий вдох. Максимальный уровень прироста дохода через три года… Не так-то легко это определить… Она взвесила свои доходы на сегодня. Ладно, предположим, она добьется катарского контракта. Тогда она получит серьезную премию либо большую прибавку к жалованью. Хорошо, начнем с прибавки. Никакой прибавки у нее не было вот уже два года. Но тут они не смогут отказать ей в пяти или десяти процентах, учитывая солидность контракта… Скажем так: десять процентов. И это только на первый год. А на два следующих года… Идем дальше, в лучшем случае она сможет заключить такой контракт каждый год, и тогда каждый раз жалованье будут повышать от пяти до десяти процентов. За три года это принесет доход с увеличением примерно на тридцать процентов выше, чем ее теперешняя зарплата. Но это будет в лучшем случае.

Алиса записала все это на листке и бросила нескромный взгляд через плечо Жереми. А тот у себя в блокноте записы-

вал, насколько за три года возрастут пожертвования на добрые дела. Вот интересно, значит, он чувствует свою роль на этом поприще.

– Все готовы? – спросил Тоби Коллинз, встав с кресла и сделав несколько шагов в сторону публики.

– Все отметили максимальный прирост доходов, которого вы способны добиться через три года?

Он обвел аудиторию взглядом.

– Отлично. Тогда у меня для вас скверная новость…

В зале стало тихо.

– Вы никогда этого не добьетесь.

Тишина становилась все тяжелее.

– Вы определили для себя ограничение, лимит. Планку, которую сам себе поставил, ты никогда не перепрыгнешь.

Алиса сглотнула. А ведь он прав, и она это хорошо почувствовала.

– Наверное, вы говорите себе, что надо быть реалистами, что вы не случайно выбрали тот потолок прироста дохода, который соответствует глубокому и трезвому анализу вашей работы, дипломов, пройденного пути и квалификации… У нас, американцев, есть одно выражение для описания всех ваших доводов. Знаете, что за выражение?

Зал молчал. Улыбался только Тоби.

– *Чушь собачья!*

Улыбка его стала еще шире.

– Именно *чушь, чепуха*! На самом деле это все – очень

слабое оправдание вашего бездействия, страхов, сомнений и чувства вины, что вы больше преуспели в жизни, чем ваши родители, или не знаю, кто там еще.

Алиса не решалась взглянуть на Жереми, в надежде, что Тоби больше не будет об этом!

– Но в то же время, – сказал Коллинз, – у меня есть для вас хорошая новость.

Теперь зал ловил каждое его слово.

– Да сбейте, к чертовой матери, все планки! Пробейте потолок! Послушайте меня хорошенько.

Последний призыв был совершенно лишним.

– Вы берете тот предполагаемый прирост, который себе наметили, и умножаете его на три. И получаете то, чего должны достичь через три года!..

Тоби расхохотался.

– Я заметил ваши недоверчивые лица. Мне понадобилось бы часа два занятий с каждым, чтобы избавить от психологических тормозов. Но мы поступим проще. Сделайте-ка вот что: внимательно оцените сумму вашего дохода, умножьте на три и поступите так, словно все это *уже получилось,* и вы уже достигли результата. Сыграйте, как на сцене, для самих себя, будто бы эту сумму уже заработали. А теперь спроецируйте себя в будущее, визуализируйте себя, какими будете через три года, словно уже такими стали. Представьте себя на пути к солидному заработку, вспомните все, что было сделано, прочувствуйте каждую деталь этой ситуации. А потом

пересмотрите весь виртуально пройденный трехлетний путь, приведший вас к такому результату, и оцените его: что вы сделали, что предприняли, чтобы оказаться в этой точке?

Алиса забавлялась, представив себя владелицей такой суммы и делая вид, что в это поверила. Это и вправду воодушевляло… Она представила себе те три года, что дали ей возможность все это получить, и сразу увидела, что ее повысили в должности. Ну конечно! Ее повысили! Она добилась назначения руководителем своей компании «Ведение дел в кризисной ситуации». Разве она этого не заслужила? По сути дела, большинство внедренных идей исходило от нее, хотя многие этого и не признавали. Она заключила для компании множество контрактов. В конце концов, она была одной из опор компании.

А представлять дальше, как ее повысят в должности? Что еще позволит ей рассчитывать на продвижение? Может быть, создание группы менеджмента… Ну да, чтобы тебя рассматривали как кандидата на это место, надо заслужить доверие и достичь определенного уровня компетенции.

По мере того как Алиса все глубже погружалась в виртуальную ситуацию, в ее сознании всплывали идеи, которым до сих пор она не придавала значения…

– Вам сейчас дадут микрофон, – сказал Коллинз одному из участников, который хотел задать вопрос.

– Все это прекрасно, – сказал тот, кому принесли микрофон, – но в жизни ведь существуют не только деньги. Мне, к

примеру, вовсе не интересно утраивать свою зарплату. Мне прежде всего хочется свободно развиваться в той области, где я работаю.

В публике раздалось несколько хлопков. Хоть Алиса и была поклонницей Коллинза, при этих словах она почувствовала облегчение: значит, Жереми был в этом зале не одинок.

Тоби широко улыбнулся тому, кто задал вопрос:

– Как сказал ваш король Людовик Четырнадцатый своему министру финансов: «Я уж думал, что мне придется ждать!» Вообще-то, когда я во Франции завожу речь о деньгах, я сразу же слышу такого рода возражения, а сейчас оно немного запоздало.

В зале послышались смешки.

– Видите ли, это вопрос целиком и полностью из области культуры. Во Франции не любят работать ради денег, здесь работают ради развития личности. А у себя в Соединенных Штатах я сталкиваюсь с противоположной проблемой: когда я говорю соотечественникам о свободе развития личности в профессии, обязательно кто-нибудь встанет и спросит с абсолютно непонимающим видом: «А что это такое? Если человек успешен, он зарабатывает деньги, а если он зарабатывает деньги, то это и означает развитие!..»

Зал взорвался хохотом.

– Это вопрос культуры. Если я так сказал, это вовсе не означает, что я поставил под сомнение ваше замечание, – уточнил Тоби. – На самом деле в нашей игре я базируюсь на

деньгах только потому, что получить доход и утроить его – вопрос весьма практический. Тут ясен количественный результат, и людям гораздо легче представить себе возросший втрое доход, чем возросшую втрое свободу развития. Если вы вникли в суть нашей игры, то наверняка поняли, что в конечном итоге дело не в деньгах!.. И деньги – не главное в этом упражнении. Главное – доступ к нашим ресурсам и освобождение той энергии, что дремлет в нас, а деньги – всего лишь метафора возможностей, единица измерения того, что мы собираемся сделать, и результата, который собираемся получить.

Алиса рискнула заглянуть в записи Жереми. Он отмечал утроение размеров пожертвований. Значит, он не сопротивлялся и старался применить то, что услышал, к своей профессии.

– Пользоваться виртуальными представлениями, чтобы получить доступ к своему реальному потенциалу, – метод очень эффективный, но он не исключает иных путей саморазвития. Все они ведут к достижению высокой самооценки, то есть к умению себя полюбить.

А потом Тоби Коллинз предложил еще одно сложное упражнение с четко прописанным протоколом. Участники должны были поделиться на пары, а потом по очереди провести друг друга по начертанной на полу линии времени, чтобы символически представить жизненный путь партнера с самого детства. Они должны были представить себе, что окру-

жены родительской любовью, которой – в реальности – либо не хватало, либо они просто ее не ощущали. Таким образом, люди как бы заново проходили весь свой путь, но уже по-другому, пронося с собой эту виртуально полученную любовь.

Когда пришла очередь Алисы и ее повел по линии другой участник, она включилась в игру и шаг за шагом выполнила все, что было положено. И после этого вдруг испытала колоссальный прилив энергии и спросила себя, как долго продлится это замечательное состояние.

– Это очень полезно: научиться себя любить, – сказал Тоби Коллинз участникам семинара, когда все вновь расселись в зале. – Я бы даже сказал: это и есть самое главное. Все, что позволяет вам продвинуться на этом пути, есть благо, и вы должны пользоваться любым удобным случаем, чтобы повысить самооценку.

Алиса заметила, как на лице Жереми промелькнуло неодобрение.

– А для этого, – продолжал Тоби, – надо просто выработать в себе привычку регулярно записывать свои достоинства, навыки и преимущества, то есть все, что повысит вашу ценность в собственных глазах. И не довольствуйтесь тем, что сделаете это всего один раз. Это надо делать не реже чем каждую неделю и обязательно записывать, пока эта оценка не станет для вас естественной. Один мой приятель советовал каждое утро говорить своему отражению в зеркале: «Я

тебя люблю» – и посылать воздушный поцелуй. Это может вызвать улыбку, но считаю, что на этом пути любая идея стоит того, чтобы ее воплотить.

Жереми поднял глаза к небу и медленно покачал головой.

Когда они возвращались с семинара, был уже вечер. Они шли рядом по бульвару Бон-Нувель к автобусной остановке Пуассоньер. Париж, убаюканный мягким светом уходящего дня, наслаждался вечерней прохладой. В этот час все пробки уже рассосались, и автомобили почти бесшумно скользили по улицам.

– Ну… и как тебе семинар? – спросила Алиса.

Жереми ответил не сразу, словно подыскивал нужное слово.

– Очень интересно.

Гм… Когда Жереми настолько немногословен, это дурной признак.

– Как думаешь, техники, что предложил Тоби, эффективны?

– Они вроде бы кажутся эффективными.

Чтобы он яснее высказал свою мысль, его надо было растормошить.

– Но?..

Он улыбнулся, но ничего не ответил.

– Значит, ты не считаешь, что эти техники позитивны, что они активируют и расковывают людей?

Он кивнул, но без особой уверенности.

– Ты не уверен в продуктивности такого подхода? – не унималась Алиса.

– Да нет, напротив…

– Но?

– Скажем так… проблема здесь в другом.

– Да?

Он снова воодушевился:

– В конечном итоге его метод укрепляет уверенность, гордость и любовь к себе… Все это хорошо, но так ли уж надо превращаться в самоуверенных нахалов, считающих себя выше всех?

– Я не вижу в этом ни самоуверенности, ни нахальства. Да, в конце концов, гордость и приниженность – две стороны одной медали. И тому, кто действительно себя уважает, вовсе не нужно унижать других, чтобы доказать собственную значимость.

– Возможно.

У Алисы возникло ощущение, что она заработала очко в свою пользу.

– Если уж пользоваться языком образов, – снова заговорил Жереми, – я бы сказал, что со временем, следуя курсом таких семинаров, ты превратишься в еще более красивую, уравновешенную и сильную гусеницу. Это прекрасно, но бабочкой-то когда станешь?

Алиса толком не поняла, что он хотел сказать, но ощутила себя задетой.

– Но ведь желание стать бабочкой, прежде чем состояться как гусеница, таит в себе риск стать неполноценной бабочкой, которой первый же порыв ветра поломает крылья.

– Может быть… Но видишь ли, цель жизни не в том, чтобы укрепить собственное «я». Напротив, отодвигая свое «я» на второй план, мы получаем доступ к иной реальности.

– Для меня это как-то немного размыто…

– Отрешившись от себя, мы получаем возможность принести себя в дар Богу и открыть в себе истинные, беспредельные силы, которые через нас являет Бог.

Алиса сделала над собой нечеловеческое усилие, чтобы не отпустить какую-нибудь шуточку.

– Я знаю, – сказал Жереми с доброжелательной улыбкой, – что это тебя никак не затрагивает.

Алиса не выдержала и расхохоталась.

– Прости меня, – проговорила она, с трудом отдышавшись, – но когда ты говоришь: «Принести себя в дар Богу», то напоминаешь мне ребенка, который готов рассказать стишок Деду Морозу…

Жереми вздохнул и с досадой покачал головой.

– В любом случае, – прибавила она, – прежде чем себя кому-то подарить, надо себе принадлежать.

Жереми выглядел озадаченным. А она вдруг выпалила, почти не переводя дух:

– А прежде чем получить доступ к иной реальности, надо научиться полноценно жить здесь.

– Чтобы в ней в полной мере жить, важно находиться в состоянии любви, а не глядеть в собственный пуп. Ведь самое важное из наставлений Иисуса: «Любите друг друга».

Алиса посмотрела ему прямо в глаза:

– Вот ты хочешь, чтобы твои прихожане любили друг друга, а значит, не только себя, а и другого. А как они смогут любить других, если они себя не любят? Ведь в другом месте Иисус сказал: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Она почувствовала, что горда собой: ведь смогла процитировать Христа. Она много потрудилась, изучая его досье. В предпринимательстве нет более эффективного приема для убеждения клиента, чем ввернуть пару фраз кого-нибудь из лидеров в данной сфере деятельности.

Жереми ничего не ответил. К остановке они подошли в полном молчании. Мимо проезжали автомобили. Какой-то прохожий спрыгнул на мостовую, чтобы перейти улицу, но никто не остановился и не пропустил его. По тротуару, не глядя друг на друга, сновали люди. Несомненно, все торопились домой.

У Жереми был задумчивый вид.

Момент наступил. Она должна ему сказать. Уважительно и очень мягко.

– Как же ты хочешь, чтобы твои прихожане полюбили друг друга, если ты… сам себя не любишь?

7

– Домработница опять ворует стиральный порошок!

Раздраженная Алиса сидела за кухонным столом. Тео уже приступил к завтраку, его отец намазывал маслом тартинки. Кофейник пыхтел и булькал, распространяя запах кофе по всей квартире.

– Откуда ты знаешь? – с улыбкой спросил Поль. – Ты что, поставила в ванной камеру слежения?

Он ел и одновременно набрасывал в записной книжке портрет Тео.

– Я сделала метку на пакете. Сначала у меня были только сомнения, но теперь есть доказательство.

– Сделала метку на пакете? Да ты с ума сошла!

– Не люблю, когда меня обманывают.

– Да наплюй ты, подумаешь, каких-то двадцать грамм порошка.

– Дело не в этом! Это вопрос доверия. Я не могу держать на работе человека, которому не доверяю. Ведь у нее есть ключ от дома!

– Ну, она же не затем взяла чуть-чуть порошка, чтобы обнести дом в твое отсутствие.

– Тебе это кажется чепухой, потому что ты все дни проводишь рядом с преступниками и бандитами. Но я не хочу это так оставлять. Я ее выгоню.

– Сама себя и накажешь: придется побегать, чтобы найти новую.

– Наплевать, – сказала Алиса, намазывая тартинку.

Потом она встала, чтобы разлить по чашкам кофе, и заодно зажгла лампу над кухонным столом. Когда ты в плохом настроении, свет помогает вернуть присутствие духа. Освещение оживило желтую краску стен, возникло радостное ощущение, что в дом проникли солнечные лучи, хотя небо были серым и мрачным.

– Хочешь попробовать, мама? – спросил Тео, указывая на консервную банку.

– А что это?

– Это очень вкусно.

– Кленовый сироп, – сказал Поль, – я его привез из Квебека.

– В консервной банке?

– Они там так и продают, этот намного лучше, чем сироп в красивых бутылочках, предназначенный для туристов.

Алиса чайной ложечкой полила сиропом тартинку, которую собиралась съесть.

– Отлично, – произнесла она с набитым ртом.

– Ага, – сказал Поль. – Просто умереть и не встать, до чего клево…

– Просто с ума сойти, как твое ремесло влияет на словарный запас…

Он улыбнулся:

– В Квебеке я был на сахароварне.

– Где?

– На сахароварне. Это место, где вываривают кленовый сок, пока он не превратится в сироп.

– Занятное название.

– Да.

– Я уверена, они его придумали специально для туристов, чтобы их завлекать.

– А твое ремесло заставляет тебя повсюду видеть маркетинговые ходы…

– Папа, возьмешь меня с собой в следующий раз?

– Посмотрим.

– Ну пожалуйста…

– Ешь давай, а то в школу опоздаешь.

Алиса уже захрустела тартинкой, как вдруг у нее зазвонил мобильник.

– Салют, Рашид!

– Знаешь хорошую утреннюю новость?

– Выкладывай.

– Мы получили список кандидатов для Катара. Осталось всего трое конкурентов. Я полагаю, дело запахло шампанским.

– Это было бы слишком здорово!

– Мне сказала Полина из информационного центра. Вызов отправили к ним по ошибке. А ты ее знаешь?

– Думаю, да.

– Обожаю эту девушку. Она такая умница. Просто блестящая.

Алиса отключила телефон в дурном настроении, несмотря на хорошую новость. А настроение испортилось из-за этой Полины, которую она видела всего раз в жизни. Почему, когда при ней кого-то хвалили, она чувствовала себя слабой и униженной? Такая похвала ее ранила, словно заодно обесценивалось ее собственное достоинство.

Она отпила глоток горячего кофе, и от сердца немного отлегло.

На ум пришли семинары Тоби, помогавшие чувствовать себя все лучше и лучше. После того занятия, на который Алиса привела Жереми, она вбила себе в голову, что станет руководителем отдела. Едва ее повысят в должности, как все начнут по-другому на нее смотреть. И станут больше уважать.

Алиса была рада, что ей удалось убедить Жереми и дальше посещать семинары. После того раза два месяца тому назад это оказалось нелегко. Поначалу Жереми явно колебался и уходил от ответа, потом Алиса увидела, что он задумался, а потом стал склоняться к тому, чтобы принять ее сторону. Решение далось Жереми нелегко, но он был человеком открытым, готовым выслушать чужую точку зрения и способным изменить свою, что в наши дни – качество весьма редкое…

Начав двигаться в этом направлении, он пошел семимильными шагами: побывал еще на четырех семинарах, проглотил множество книг, которые она приносила, и менялся буквально на глазах. Система поручительства, принятая на семинарах Тоби, оказалась для Алисы очень удобной. Оплатив для друга одно занятие и заручившись пятью рекомендациями, она смогла записать Жереми на тренинг, не потратив ни единого сантима.

Алиса дважды в месяц ездила в Клюни на выходные и с удовольствием тренировала Жереми. И если она ввязалась в эту авантюру по дружбе, а также из чувства долга, то теперь вошла во вкус. Это же было просто счастье! Она гордилась результатами: унылый фаталист Жереми становился энергичным и уверенным в себе. Ей еще не доводилось наблюдать такого прогресса: Жереми словно был создан для того, чтобы воспринимать, впитывать и применять психотерапию. Да, он настолько в этом преуспел, что вскоре, наверное, и сам смог бы помогать другим.

Теперь во время мессы он весь лучился. И слова о любви к Богу, соединяясь с новым обликом священника, лучше доходили до прихожан. Да и проповеди, произносимые с воодушевлением, говорили людям гораздо больше.

Жереми даже хватило мужества внести изменения в свою работу. Алиса за всем этим наблюдала, сидя на скамейке в последнем ряду. Она пробиралась туда незаметно, когда все уже рассядутся по скамьям, и постепенно осваивалась, все

меньше ощущая неприязнь к этому помещению. Храм стал для нее почти что местом работы, только более ясным и безмятежным, чем все, где она раньше служила.

Кончилось тем, что она предложила Жереми заключить договор.

– Можешь мне кое-что пообещать? – спросила она однажды.

– Я тебя слушаю.

– Я готова помочь тебе наладить дела в церкви и привлечь людей. Но ты должен дать мне слово.

– Какое?

– Никогда не говорить со мной о боге.

Он согласно кивнул, покорно и немного печально улыбнувшись.

Алиса принялась наблюдать за маленьким мирком прихожан. Ее очень забавляла их непоследовательность, но в конце концов именно эта черта начала привлекать. Ну как, к примеру, не улыбнуться, увидев, как все шествуют к мессе, разодетые в пух и прах, чтобы молиться Иисусу… который, между прочим, ходил босиком и призывал богатых избавиться от роскошных одежд? Как не смеяться, услышав, как они злословят о соседях, когда сами только что благочестиво выслушали проповедь о любви и прощении?

Алисе был симпатичен Виктор, полуглухой винодел на пенсии, и его приятель, заика Этьен, с которым они составляли весьма занятную парочку.

Некоторым прихожанам новшества не нравились, все разговоры на паперти вертелись вокруг этого спорного вопроса. Жермена и Корнелия, сплетницы со змеиными жалами вместо языков, выражали несогласие короткими, на первый взгляд вполне невинными замечаниями.

Жермена, с крашенными в цвет воронова крыла волосами, появлялась перед вами и, чтобы привлечь внимание, заглядывала в глаза, буквально буравя острым взглядом.

– Бах не так уж груб, – говорила она, – но мне больше нравились коротенькие мотивчики, которые потом можно мурлыкать про себя. Вам, наверное, тоже?

Ее ястребиный глаз не оставлял вас в покое, и вы волей-неволей ощущали себя просто обязанным согласиться. А Корнелия, с желтоватыми волосами, навеки застывшими под толстым слоем лака, с вдохновенным видом кивала головой, поддерживая сообщницу.

– Вы не находите, что в последнее время нам чего-то недостает? Уж не оказались ли мы на грани потери традиций?

Обе сеяли вокруг себя семена сомнения, Алиса видела, что в некоторых головах они дают ростки.

Она застала дам, когда те жаловались мадам де Сирдего, баронессе, чье место в первом ряду возле прохода было закреплено за ней пожизненно, его никто никогда не занимал. Баронесса выслушала аргументы сплетниц и пообещала замолвить за них словечко епископу, который восхищался ими в столь же высокой степени, в какой мог не доверять Алисе.

Мадам де Сирдего в Клюни все знали и в лицо, и понаслышке. Эта шестидесятилетняя дама держалась надменно, одевалась изысканно и всегда выставляла напоказ золотой кулон в виде креста с крупным рубином в центре. Несколько лет назад от нее ушел муж, и все знали, что в ходе развода она боролась за сохранение всех привилегий высокого статуса: за собственный особняк, старый «ягуар» под конец жизни, а прежде всего за фамилию мужа и баронский титул. Титул был особым шиком, ибо в замужестве она предусмотрительно уничтожила все документы и даже саму память о своем девичьем имени Жозетта Гроссард. После развода она жила одна в просторном особняке. На его содержание денег не было, но она сочла за благо с достоинством отстоять ту позицию, которую хотела сохранить в глазах общества.

Каждый раз, когда Алиса появлялась в церкви, одна из монашек совала ей в руку сложенную ввосьмеро бумажку, на которой были нацарапаны несколько слов. В первый раз она удивилась и терпеливо развернула бумажку под улыбающимся взглядом сестры.

Блаженны бедные,
Ибо ваше – Царствие Небесное.

– Зачем вы мне это даете? – спросила Алиса.

Та только улыбнулась в ответ. Но Алиса не отставала, пока одна из прихожанок не взяла ее за руку:

– Бесполезно ее спрашивать, она глухонемая.

Тогда Алиса жестом поблагодарила монашку, даже не пытаясь вникнуть, зачем та переписала слова из Евангелия.

В следующий раз монахиня снова сунула ей листок, который она приняла уже с благодарностью.

> Блаженны вы, когда вас ненавидят
> и вас преследуют.
> И не найдут места там,
> где вас преследовали.

Алиса заставила себя улыбнуться. Уж не решила ли сестра преподнести ей Евангелие по частям?

Записки посыпались одна за другой в каждое посещение храма, и Алиса про себя уже прозвала монашку «сестра ИКЕА». Наверное, бедняжка была наивной простушкой.

Пока что большим разочарованием для Алисы стал слабый прирост числа прихожан. Раньше их было двенадцать, а теперь всего двадцать один. Если бы ей надо было отстаивать столь скромный результат перед советом директоров, она бы гордилась мощным приростом участников в семьдесят пять процентов. Но здесь Алиса действовала в одиночку, и возникало чувство, что тратит энергию она попусту. Новые прихожане на самом деле были старые, которые потеряли связь с церковью, а теперь вернулись благодаря позитивной информации. Это убедило Алису, что тактика выбрана правильно, и укрепило доверие Жереми. Но триста семьде-

сят девять мест в церкви так и оставались пустыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.